

Анатолій Давыдов

**ПУТИ И
ПЕРЕКРЕСТКИ**

Дневники

Усть-Илимск
2015

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Д 13

Издание подготовлено к печати Центральной городской библиотекой им. Н. С. Клестова-Ангарского при финансовой поддержке Управления культуры Администрации города Усть-Илимска.

Давыдов А. М. Пути и перекрестки : дневники / А. М. Давыдов ; [сост.: Н. Н. Шелепетко, Т. В. Дребнева ; редкол.: Н. Н. Шелепетко и др.; авт. вступ. ст. В. Огарков]. – Усть-Илимск : Изд. Центр. гор. б-ки им. Н. С. Клестова-Ангарского, 2015. – 252 с.: фот.

В дневники Анатолия Давыдова вошли стихи и проза писателя, поэта и журналиста, участника Великой Отечественной войны, рассказывающего о своей жизни день за днем. Книга – дань памяти человеку, трудная судьба которого связана с городом Усть-Илимском, дань памяти солдату в год 70-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Д 13

© Центральная городская библиотека
им. Н. С. Клестова-Ангарского, 2015

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Анатолий Михайлович Давыдов (1923-2004) известный в городе Усть-Илимске человек. Его знают как поэта, фронтовика, журналиста. Анатолий Давыдов прожил в Усть-Илимске 25 лет и продолжал каждый день писать главную книгу своей жизни – дневники.

В дневниках он рассказывает о семье, о друзьях и коллегах, о людях, с которыми сводит его жизнь. В них представлена целая галерея портретов современников, написанных точно, лаконично и ярко. За этими миниатюрами встает целая эпоха общественной и культурной жизни страны. В дневниках поэт пытается осмыслить свой жизненный и творческий путь, путь неустанного поиска и познания собственного духовного мира.

Дневники представляют особую ценность, поскольку полны порою резких, но искренних суждений, раскрывающих личность Анатолия Давыдова как поэта и человека.

В настоящем издании дневники А. Давыдова печатаются по оригиналам, переданным в дар Центральной городской библиотеке им. Н. С. Клестова-Ангарского вдовой поэта Екатериной Соболевой в 2006 году. В архиве библиотеки находятся сорок семь тетрадей и блокнотов, в которых автором ежедневно с 1956 по 2000 годы велись дневниковые записи.

В дневниках содержатся заметки, характерные для записных книжек, – выражения, обратившие на себя внимание автора, записи о событиях дня и, конечно, стихи.

Включенные в дневники записи расположены в хронологическом порядке. Для настоящего издания выбраны наиболее значительные из них. Опущены бытовые записи, повторы, часть записей о ныне живущих людях.

Все, что касается творческих, автобиографических свидетельств современника о масштабных, исторических событиях, приводится полностью. Ориентиром служат даты, которыми А. Давыдов помечает свои записи.

В издании сохранена стилистика автора. Дневники адресованы широкому кругу читателей.

Н. Шелепетко

СОЛДАТ, ПОЭТ, ГРАЖДАНИН

Как всякий большой человек (не ростом – умом), он был прост в общении с людьми. Познакомились мы в коридоре городской газеты "Усть-Илимская правда", что в общем-то вполне понятно – где, если не здесь, должны были пересечься интересы двух журналистов?

Разговорились. Выяснилось, что передо мной стоит интереснейший человек, почти мальчишкой угодивший на фронт, прошагавший всю войну от Сталинграда до Берлина, расписавшийся на стене Рейхстага. Мало того, оказалось, что человек создал, если не гору, то целый бруствер из тетрадок и листков, заполненных стихами. Посетовав, что стихов не пишу, не получаю, признаюсь, что люблю высокое поэтическое творчество.

- Вот и отлично, – подхватил собеседник, – это значит, что у нас есть стопроцентный повод для встречи.

Обменялись рукопожатием. Называю своё имя и слышу в ответ:

- Анатолий.

Человек, назвавшийся коротко, без отчества, был старше на целое поколение. Называть его просто по имени показалось не вполне прилично. Спрашиваю:

- А по отчеству?

- Мы с тобой журналисты или кто? Не выдумывай себе проблемы, называй Анатолием. Зачем нам этикет соблюдать? Пусть его члены Политбюро ЦК КПСС соблюдают.

Это мне понравилось. Рассуждать подобным образом мог только наш человек. Уже вечером того дня мы сидели на кухне в его однокомнатной квартирке "на сороковых", как тогда называли микрорайон в левобережном Усть-Илиме. Пили чай и не только чай, говорили о поэзии. Потом он предложил послушать написанное им.

Честно говоря, автор приятно удивил. Зная, что стихи о войне, готовился к тому, что прозвучит нечто потёртое, урапатриотическое. Но услышал другое.

Услышал зрелые стихи участника великой войны – стихи защитника Родины, солдата, прошагавшего по полям сражений, не раз смотревшего в лицо смерти, знающего цену великой Победы. Было видно, что за каждой строкой стоят искренние переживания человека, хоронившего боевых товарищей и хорошо знающего, что с войной связаны не только подвиги, но и страшные потери, разрушения, несчастья целых народов. И какой мерой измерить горе матерей, видевших, как умирают дети? От голода, от болезней, от вражеской пули... Можно ли понять, согласиться, что убиты молодые парни, совсем ещё мальчишки, не успевшие узнать, что такое жизнь? Не успевшие даже прикоснуться к девичьим губам...

Благодарный слушатель молча пожал руку поэта.

- У меня и другие есть, не только о войне, – сказал Анатолий, довольный, что стихи пришлись по душе.

- И что, много их?

- Ой, много, все не переслушаешь.

Он взял меня за руку и повёл в комнату. То, что довелось увидеть, потрясло воображение. Весь стол был завален тетрадками, папками, исписанными листами бумаги. В конце стола высилась горка из сложенных друг на друга скоросшивателей. От удивления мои брови поползли вверх.

- Это всё стихи?

Старый фронтовик улыбнулся.

- Нет, не всё. Тут мои дневники, а в них собраны размышления, наблюдения – весь жизненный "мусор", из которого рождаются стихи, как когда-то сказала Ахматова. И самих стихов тоже много, не меньше половины наберётся.

- Когда ты успел всё это написать?

- Да так получилось. Успел. Как говорят, "ни дня без строчки". Фронтовые журналисты, помню, часто так говорили. Мне понравилось, взял на вооружение.

Разговаривать с Анатолием Михайловичем было интересно. Всё то, что мы вкладываем в понятие "бурная молодость", случилось и в его жизни. Он много знал, много видел и при этом, как постоянно пишущий человек, обладал прекрасной памятью. В составе наступающих советских войск ему довелось побывать в разных странах Европы. Свободно говорил по-немецки, работал в военной разведке. Служил даже в составе команды, охранявшей Сталина на переговорах в Тегеране осенью 1941 года.

Где ещё найдёшь такого собеседника? И искать не надо, если он рядом с тобой, как подарок судьбы. Само собой, что наши разговоры "на сороковых" растянулись на годы.

Умел он и слушать, несмотря на то, что порой бывал вспыльчив, с полуслова мог "завестись". Эту черту характера он, скорее всего, унаследовал от далёких предков цыган, ходивших табором по дореволюционной России. Как, впрочем, и другую черту – страсть к перемене мест.

Зная об этой его особенности, намекнул однажды на некоторую "недоделанность", иногда заметную в написанном им.

Намекнул и замер. Что сейчас будет? Как отреагирует уважаемый, много лет сочиняющий автор? Как известно, большинство пишущих очень болезненно воспринимает подобные намёки. Но случилось иначе. Анатолий не вспыхнул, не "завёлся" против ожидания.

Лишь на секунду нахмурившись, словно споткнувшись о что-то, он вслед за этим рассмеялся и подмигнул по-свойски.

- Видишь ли, коллега, слова и жесты не всегда отражают внутренние убеждения. Тебе, наверное, кажется, что Давыдов считает себя таким мэтром от поэзии. Так ведь думаешь? Вот признайся по-честному, что так.

- Не совсем так. Но... похоже на то.

- Это я держусь так. По возрасту да по опыту. Мне как бы пора уже и в президиуме посидеть. А на самом деле я себя большим поэтом не считаю. Хотя и пишу уже... Счёт на десятилетия идёт. Складывать научился, образы есть, и мысль вроде бы присутствует. А в общем-то ничего выдающегося. Так, – средней руки поэт.

- Явная недооценка. Зачем перегибашь?

- Тут позволь мне самому решать. Знаю, что говорю. Видишь ли, написать о войне после Александра Твардовского, после Юлии Друниной... Написать хорошо и правдиво – такое не каждому дано.

- А тогда скажи, зачем...

- Скажу и об этом, не торопись. Всё довольно просто в этом деликатном деле. Хочется сделать стих. Чувствуешь – вот он, лезет, прёт из тебя, и ничем его не остановить. Надо помочь выйти ему на люди, а они уже оценят.

Честно сказанное слово – оно вдвойне весомо и ценно. С того дня уже не хотелось выискивать "клопов" в его рифмах. Он сам без труда мог это сделать – находить ошибки в своих и чужих рукописях. Долгие годы, вплоть до самой кончины, он сотрудничал в городских газетах Усть-Илима, редактировал поэтические страницы, помогал начинающим авторам. Не забывал и свой девиз "ни дня без строчки".

Любопытная деталь. А.М. Давыдов никогда не состоял в комсомоле, не был членом партии КПСС. Как настоящий фронтовик, он не любил выставлять напоказ боевые награды и вообще держался подальше от парадной шумихи.

Естественным образом выяснилось, что оба мы любим природу. Анатолий посвящал этой вечнозелёной теме стихи, отдельные строчки и целые поэмы, что тоже естественно. Ведь поэт, если он действительно поэт, не может жить вне природы.

После небольшого совещания, состоявшегося на упомянутой кухне, что "на сороковых", было решено, что поговорить о природе лучше с выездом на местность. Там она ближе и понятней.

Местностью, подходящей для серьёзного разговора двух мужчин, нам показался залив Чёрной речки, раскинувшийся на 25-м километре автотрассы Усть-Илим-Братск.

Сюда и прибыл мой потрёпанный "Запорожец", нагруженный нашими пожитками – палаткой, спальниками, удочками и рюкзаками с необходимым снаряжением. В перечень обязательного снаряжения угодило и то, о чём все сразу догадались. Что ж, традиции есть традиции.

Ребяческий возраст, когда позарез надо вытащить вот такую рыбину, у нас миновал. Успокоились на том, что надёргали на уху сорожек и нескольких окуней.

Уже наступил новый день, светало, когда стало ясно, что с палаткой зря возились – не потребуется. Спать нисколько не хотелось, а ночь была тёплая. Сидели у слабого костерка, едва освещавшего лица, говорили о России, о том, как мы живём, и надо ли так жить. Потом зазвучали стихи. Виделось, что Анатолию нравится быть здесь – в тихом ночном лесу, у костра, на берегу залива. Стихи лились из него, как из родника, непрерывно. О войне, о вечной битве между силами добра и зла, о нашей страдалице природе.

Были, конечно, стихи о любви, которой все возрасты покорны. Обоим хотелось верить, что именно она управляет жизнью на Земле.

Самое красивое было утром, когда солнце взошло и тут же утонуло в тумане над дальним берегом, словно оранжевый апельсин в молоке.

Анатолий подошёл к берегу, чтобы ополоснуть лицо холодной водой, отогнать сонливость. Потом он пригнулся за кустами и что-то наблюдал. Повернулся ко мне и позвал жестом. Тихо подхожу, всматриваюсь.

Да, это стоило увидеть! Из-за травяного островка на освещённом месте выплывала живописная компания – утка с выводком утят. Милое семейство плыло медленно и совершенно бесшумно, лишь слегка нарушая водную гладь. Миром и спокойствием веяло от этой картины.

Заметив улыбку на лице товарища, трогаю его плечо и тихо спрашиваю, кивнув на выводок:

- Жизнь продолжается?

- Должна продолжаться, – прозвучал ответ.

И нет ничего вернее слов, сказанных старым солдатом. Он сражался за то, чтобы жизнь всегда продолжалась. Будем помнить об этом.

*В. Огарков, бывший житель Усть-Илима,
всегда помнящий его.*

1956 год

г. Сызрань

Перед осенью

1.
У берез зазолотились пряди,
Ветер дым над крышей
В кольца вьет.
Иволга в оранжевом наряде
За рекой по-новому поет,
А за леса голубым порогом
Над болотом кружатся в дали
Перед дальней, трудною дорогой
Делая разминку, журавли.
С каждым днем
Густее неба просинь,
С каждым днем прохладней вечера.
Подступает золотая осень –
Свадеб долгожданная пора.
Может быть, поэтому так звонки
На току девичьи голоса.
И сверкает солнце у девчонки
За спиною – русая коса!

20.08.1956

Гладит ветер тихий дом

Гладит ветер тихий дом
Лапою несмелою,
Бродит в небе голубом
Туча кошкой серою,
Над ракитой у пруда,
Над травой приласканной,

Где игривая вода
Спорит с небом красками,
Где торопятся столбы
Через поле яркое,
Где беседуют дубы
С липами – товарками...
На крылечке серый кот
Сам себе внимание:
Будто нет других забот,
Как гостей заманивать.
Как мне дом тот обойти?..
По полю не бродится...
Все дороги, все пути
К сердцу милой сходятся.

Урожай

Страда. Страда. Горячие денечки.
У комбайнера дел неупорот...
А девушка в голубеньком платочке
Его какую зорьку птицей ждет.
А он ведет уверенно и ловко
По волнам золотым корабль свой.
Подтянутый, в промасленной спецовке.
С приподнятою гордо головой.
Все дальше в степь комбайн уплывает.
Зерна и солнца радости игра.
И комбайнеру ласково кивают
Подсолнухи с ближайшего бугра.
Страда. Страда. Горячие денечки.
Звнящий воздух по степи разлит...
И девушка в голубеньком платочке
Поймет, как трудно было, и простит.

28.08.1956

На Волге

Отыграла зорька, отыграла
В утренней лучистой тишине,
Снова стоит лодка у причала,
Набегавшей кланяясь волне.
Ну, рыбак, похвастай-ка уловом!
И рыбак с улыбкою, без слова
На кукан кивает головой...
А бывает, впрочем, и иначе –
Рыболов расстроен и сердит.
«Где же рыба?» – спросит.
«Как рыбачил?»
«Рыба ... в Волге», – хмуро говорит.
И уйдет с реки с гримасой горькой,
За кустами скрывшись вдалеке...
А на утро, на туманной зорьке
Вновь его увидишь на реке.
Пусть стучит по лодке дождь унылый,
Пусть в туман оденется река.
Он на Волге,
Он опять счастливый...
Что поделать – сердце рыбака!

29.08.1956

Первокласснику

Этот день навсегда запомнится.
Первый шаг через школьный порог.
Светлой радостью сердце полнится,
Сколько в жизни чудесных дорог!
Будешь ты возводить этажи
Иль прославишься в море отвагой,
Но любая дорога в жизнь
Начинается с этого шага.
Станешь в поле пшеницу растить
Иль уедешь в тайгу новоселом.
Только помни – любые пути
Начинаются в стенах школы.
Пусть пока ты совсем невелик.
И фуражка великовата...
Ты сегодня уже ученик.
В мир ступаешь большой и богатый.

31.08.1956

В лесу

Я опять один брожу по мшарому,
Слушаю лесные голоса,
А вокруг сентябрьским пожаром
Полыхают тихие леса.
Облетают испуганные птицы,
Глядя настороженно: ты чей?
И слетают листья вереницей
В золотом наполненный ручей.
Смотрят сквозь взъерошенную хвою
Любопытной белочки глаза...
Как кому, а для меня такое
Не любить, не чувствовать нельзя.

03.09.1956

Встреча

Это было.
Сады в белоцветном кипении,
Ручейками тропинки
В росистой траве.
А над крышами небо –
Такое величие!
Посмотри на него –
Сразу хмель в голове!
И девчонка была –
Ясноглазая самая,
Голосистая самая
Среди бойких подруг.
Только жизнь бывает
Такая упрямая!
Разметала, как листья...
Счастье – это не вдруг.
Нет! Никто не виновен.
Случилось и... точка.
По дорогам российским
Шагала война.
И исчезла девчонка
В цветастом платочке,
В белоцветном кипении
Озорная весна.
Годы – это не птицы –
Они не вернутся.
Словно лист осел на висках –
Седина.
За околицей ночью
Песни новые льются.

И как-будто по-новому
Смотрит луна.
Незнакомый, далекий
Степной городишко.
Служба – дело такое:
Не мечтал, а попал.
Вдоль оврага
В листве пожелтелой домишки,
По дороге на стройку
Пылит самосвал...
После дел неотложных
Гостиничный вечер.
Все обычно и просто –
Бывало не раз.
Только в городе этом
Случилось мне встретить
Ты, сейчас о которой
Ведется рассказ.
– Ты... другая, Наташа.
– И ты изменился.
– Постарел?
– Как сказать...
Столько лет позади!
И пошел разговор,
Заструился, полился.
А на улице серой
Гуляли дожди...
– Ты счастлива?
– ... Пожалуй... А ты?
– Я?.. Я тоже.
И смеялись уловке.
Смеялись до слез...

И мальчонка,
На прежнюю Нату похожий,
Показать медвежонка
Из плюша принес...
И опять разговоры:
– Ты помнишь, Наталка?
Кто-то очень солидный
Смотрел со стены.
И сказала Наташа:
– А все-таки жалко
Той прошедшей,
Далекой-далекой весны.
И опять вдоль дороги
Багрянец осенний,
И октябрь белогривый
Стоит у двора.
Ну и что ж,
Что у губ,
Как тропинки, морщины,
Осень – это не грусть,
Раздумий пора.

20.09.1956

Учительница

По небу розоватые разводы...
Считает ветер золото на кленах.
Лишь куст сирени в сквере у завода
Живет еще вне осени – зеленый.
А девушка в пальто голубоватом
Шагает по натоптанной дорожке.
В руке портфель,
Она к груди прижата –

Тетрадей стопка в скромненьких обложках.
Чему-то улыбается счастливо...
И ветер гладит русый локон робко...
А посмотри, как держит бережливо
Она тетрадей маленькую стопку,
Как будто из богатств – богатство это.
Как будто счастье в ней людское...
Шагает в час осеннего рассвета
Учительница в школу за рекою.
И все, кто попадет на дороге,
Ее встречают ласковым приветом,
Пусть молода, и взгляд совсем нестрогий,
И не солидна... Разве дело в этом!
Ведь знают все, что в тоненьких тетрадках
Труд будущих врачей и инженеров...
На речке ветер морщит воду в складки,
Идет тихонько девушка по скверу.

***

Вспомни – ночка была коротка,
А теперь междузорье – как сутки...
По утрам студеной река,
Улетают последние утки...
Только дятел, работник лесной,
Все авралит, не знает сезона.
Да синицы в чащобе глухой
Недовольно, устало трезвонят.
Уж на что воробей закален,
Да и тот залетает под стрехи.
Подождать поприятней времен –
Дождь хоть мелочь, но все же помеха...
И березка у серой воды
Неодетая, дрожит в тумане.

Да по мшарам угрюмо-седым
Ветерок непоседливый тянет.
То дождит, то крупую пройдет...
На стекле нарисуетса мудро.
Лишь охотник всю прелесть поймет
Полузимнего сизого утра.

01.11.1956

Ночью

С утра мело,
И вечером мело.
Лютует вьюга
В озорном угаре...
Устало занесенное стекло
Тугого ветра
Сдерживать удары.
На сто ладов
Глушит ночная мгла.
То воет,
То грохочет,
То скребется...
А в печке огонек веселый вьется.
Печет картошку жаркая зола.
Мурлычет кот,
Полузакрыв глаза,
И блики на оконных занавесках
То вспыхивают вдруг,
То медленно скользят.
А на моей руке твоя рука.
И, кажется, конца не будет ласке...
В такую ночь
В тиши, у огонька
Рождаются иллюзии и сказки.

11.11.1956

Настя (поэма)

Бьет метель – серебряная птица.
Бьет в окно крылом в который раз...
Нет, и за метелью не укрыться
От любимых беспощадных глаз.
Нет. И за годами не укрыться.
Кто сказал, что все прошло давно?
Бьет в стекло серебряная птица,
И тоскливо дребезжит она.
И метель припомнилась другая,
Лепестки черемух на ветру.
Ты тропинкой, ветки раздвигая,
Пробиралась к дому поутру.
Шла по травам, пряным и росистым
Вдоль студеной, розовой реки.
А на всю округу голосисто
Утро величали петухи.
И росинки с тоненькой березы
Видели счастливые глаза.
И казалось, что пьянеет воздух
Повторяя все, что он сказал.
И несли твои девичьи губы
Поцелуев нежность и тепло...
Да, воды немало утекло с той поры.
И где он, светлочубый?
Где он, песня юности твоей?
Бьет метель – серебряная птица,
Бьет крылом, стучится все сильней.
Помнишь расставанье на вокзале,
Шел сентябрь, навевая грусть...
Он спросил: «Дождешься?»

Ты сказала: «Милый, обязательно дождусь!»
Над перроном шелестели клены
Пожелтелой хрупкою листвою,
Да шуршал пожухшею травой
Ветерок ленивый, утомленный.
Это трудно – первая разлука...
Вечер, наступивший в тишине.
Что-то ищут – не находят – руки,
Чья-то тень мерещится в окне.
Как-то по- иному, незнакомо
Песни за околицей звучат.
Выходить не хочется из дома:
«Ну вас! » – отмахнулась от девчат...
Ожиданье первого письма –
Время словно вдруг остановилось.
Ты грустила, а порой сердилась.
Крылья дать – слетала бы сама...
Вот в руках он, синенький конвертик.
Теплые, желаемые слова.
Любит! Любит!
Просит ждать и верить...
Радостно кружится голова.
Шел октябрь. А что тебе ненастье?
Что тебе унылые дожди?
Сердце шепчет: это счастье, Настя!
Шепчет сердце: это будет – жди!
...За окном метели не уняться.
Где-то тихо скрипнула доска
Что ты, Настя?
Что тебе бояться?
Почему в глазах твоих тоска?
Скоро муж придет домой с работы,

Поцелует, спросит как дела,
И в глазах его тепло заботы...
Разве ты не этого ждала?
Что же прячешь ты глаза упрямо?
Почему дрожит твоя рука?
Где-то снова скрипнула доска.
Бьет метель в заснеженные рамы...
Штампик там знакомый треугольный
На конверте синем в уголке...
Ты взглянула, вздрогнула невольно,
И письмо дрожит в твоей руке.
Вскроешь? Нет!
Опять не хватит силы.
Настя, вспомни ночи у реки,
Как над тихой заводью кружились
Ласковых черемух лепестки...
Вскроешь? Нет!
А помнишь, на вокзале
Что-то клен шептал над головой...
Настя, помнишь, что тогда сказала?
Было было... Заросло травой...
Верю, Настя, всей родней гудели:
Что, мол, ждать... И прокукуешь век...
Тот придет в поношенной шинели.
Этот же – солидный человек.
И квартира, и оклад что надо...
Старше? Полно... Так заведено...
Присмотрелась – что ж, мужчина ладный.
Матери сказала: все равно...
Вот и год остался позади.
Больше почта писем не носила...
Только что-то тягостно в груди.

Настя, что ты сердце не спросила?
Думала – с годами все забудется,
Все следы поземкой заметет.
Нет, на сделку сердце не идет –
По ночам далекий голос чудится.
Будто не года, а день прошел.
Шла вчера тропинкою росистой
В платье незатейливом, батистовом,
И стелился трав весенних шелк
Нет, и за годами не укрыться
От любимых беспощадных глаз
Бьет метель – серебряная птица,
Бьет в окно крылом в который раз.

12.11.1956

Снегурочка

С утра метель
На улицах буйнит,
Проходим сыплет снег
За воротник.
То закружит,
То долго низом тянет.
Метет, метет,
И вмиг сугроб возник.
То мирно вяжет кружева
На спицах
Сосновых посеребренных ветвей...
А ты несешь
Снежинки на ресницах,
На рукавах,
На шапочке своей,
На варежках,

На маленьком портфеле...
И будто бы из сказки
Вступишь в дом
Снегурочкой,
Осыпанной метелью,
Овеянную колким ветерком.

25.11.1956

Уходят рельсы

Уходят рельсы в даль свинцовую,
Уносит поезд стук и звон.
И те зубчатую подковою
Стянул далекий горизонт.
А где-то там, где не кончаются
На берегу другой реки,
У фонарей кружась, качаются,
Скользят снежинки-мотыльки.
И по мосту, где цепи черные,
И посеребрённый гранит,
Бросая вдаль звонки-задоринки,
Трамвай заснеженный гремит.

30.11.1956

Не знаю

Декабрь на запад тучи гонит,
Метель в кустарнике звенит...
А где-то там седой гранит,
И рвутся бронзовые кони...
А где-то там уснула падь,
И над заснеженным улусом
В ночной тиши юнцом безусым
Дьяк лупит, щурится опять...
А где-то море черепицы,
Незапущенное снежком.
И вяжут в небе голубом
Узор унылый шпили-спицы...
А где-то там клубятся склоны
Туманом едким и седым...
В те годы я бывал любим,
В те годы я бывал влюбленным.
В те годы ...
А сейчас пуржит,
И стать белесая, без края...
И для чего я должен жить,
Скажу по совести, не знаю.

08.12.1956

**Когда встречаются года...
(новогодние раздумья)**

1.

В ту ночь мы поднимали кружки

За мир, за счастье на земле.

И котелок с погнутой дужкой

Светился тускло на столе.

Дымилась вкусная овсянка,

Хрустели смачно сухари,

И даже водка – иностранка

Пришлась как раз.

Что говорить!

И «Вот вам!.. Для такого раза...»

Из пополнения солдат,

Достал, хранимый пуще глаза,

НЗ – домашний самосад.

Всем по цыгарке расщедрили.

Со вздохом вывернул кисет.

Смотрите, дескать, было – нет.

И дым волокнами завили.

У нас солдатские сердца.

Из-под блиндажного наката

Туда, где вьюга без конца,

Где лес заснеженный, лохматый,

Где...

А к чему перечислять -

У каждого своя дорога.

А если и взгрустнут немного –

Солдат не стоит осуждать. –

Война – нелегкая пора.

Она – ненастье, время злое.

К тому же только лишь вчера
В блиндаж наш не вернулись двое...
Мела поземка по опушке
У покалеченных елей,
В ту ночь мы поднимали кружки
За мир и счастье на земле.

12.12.1956

**Есть и такие
(фельетон)**

Проводят резво свой досуг.
У каждого свой вкус и взгляды...
А здесь прочтешь, читатель-друг,
О том, как отдыхать не надо.

1.

Танцулькина Эльвира
Отдаст за джаз полмира.
От лекций, выставок и книг
Она свой нос воротит.
Зато в любой свободный миг
Усиленно фокстротит.
Кривляется усиленно,
Зовется это – «стильно».
Идет на танцы - платье-крик:
Смешались все понятия.
Где рукава? Где воротник?
А где подол у платья?
Зовет свой отдых «дива»
Разумным и красивым.

2.

У Васи Выпивохина –
В глазах всегда туман,

Ведь он в минуты отдыха
Иль пьян, иль полупьян.
Освоил прочно он маршрут
От дома к ресторану,
Оценивает свой досуг
По кружкам и стаканам.
В «игривом» состоянии
Вихрастый и хмельной,
Везде горит желанием:
Еще бы по одной!
К концу оказии такой
Не говорит, а б-б-леет.
А утром ходит сам не свой:
«Горит нутро» – «болеет»...
Из-за такой «позиции»
Он частый гость милиции.

3.

Виталий Чечевичный
От всех пороков чист.
Его досуг обычный:
Есть ловля мух и свист,
По комнатам шагание
И носоквыряние.
На воздух не стремится –
Бойтся простудиться.
За книгу сесть? –
Болят глаза...
В кино сходить?
Сосед сказал,
Что там всегда толкучка...
И фильм, наверное, скучный.
Еще Виталя любит сон:

Храпит с соседом в унисон.
Проводят резво свой досуг,
Как мы заметили вначале.
А вы подобных не встречали?

20.12.1956

Другу

Мы с тобой
Стали слишком взрослыми.
Что ни день –
Забот невпроворот.
И мелькают за делами пестрыми
День за днем,
И снова Новый год.
Завихрит январскими метелями,
Оттепелью в февраледохнет.
И глядишь,
Подумать не успели мы,
А уже трещит на Волге лед.
И уже курятся печной дымкою
На ветру заволжские леса...
Так проходит время
Невидимкою,
Серебрятся нити в волосах...
И мечты былые
Стали странными –
Вслух сказать не смею, засмеют...
Слушай, друг, скажи мне:
А не рано мы
Провожаем молодость свою?

20.12.1956

Встреча

Годы. Версты.
Вот и снова встреча.
На снегу рассыпаны огни...
Кто сказал,
Что от любви излечат
Расстоянья и разлуки дни?
У таких, наверно, сердце - камень,
Ну и что ж,
Что годы позади.
Рвется сердце –
Хоть держи руками,
Бьется лихорадочно в груди...
Ты идешь,
А все оно тревожится...
То ли встреча же
В песню сложится,
То ли грусть дымкой проплывет.

20.12.1956

Родине

А я люблю тебя.
В любое время.
И в зной,
И в хмарь,
И в хлесткий снегопад.
В дождливую сентябрьскую темень,
Когда ни зги....
И ноги в грязь скользят.
И твой апрель
С грачиным новосельем,

И рыжий пух
На тонких тополях,
И вьюги забубенное веселье,
И сотлые свинцовые поля...
И город, переполненный туманом,
Где каждый дом
Мне издавна знаком.
И незнакомый дальний полустанок,
Где не разжиться даже кипятком.
Люблю разливы
Волги яростной,
И выжженные солнцем ковыли.
Как тот солдат,
Что брал в походы дальние,
Хранил у сердца
Горсть твоей земли...

22.12.1956

Мы отступать уже устали

Был бой жесток.
Мы залегли.
И с той минуты твердо знали –
За нами дальше нет земли!
Я помню дождь
Косой и хлесткий,
По дну окопа тек ручей.
Качалась тонкая березка
Под ветром
На земле ничьей.
Не жаловалась,
Не стонала,
Когда макушку снес снаряд.

Исхлестанная злым металлом,
Она стояла как солдат.
А на заре горела ель
У всей округи на виду.
И предложил боец бывалый
Ей золотую дать звезду.

22.12.1956

Кто сказал, что юность миновала...
Это все осенние дожди...
Вот пройдет печаль
В глазах усталых.
В жизни все проходит.
Подожди.
Ночь придет.
Она приглушит звуки,
Отметет во тьму заботы дня.
И твои доверчивые руки
С новой лаской
Позовут меня.

22.12.1956

А у меня
Ни «Зима», ни «Победы»,
Но не страдаю, впрочем:
Черт возьми!
Я если надо –
В бесплацкартном еду
С попутчиками,
Славными людьми.
Сижу, курю,
Не сетую немало.

А рядом разговоры без конца.
Есть, что послушать
От людей бывалых –
Их речь не ради
Красного словца.
Здесь без чинов.
Знакомятся мгновенно.
Здесь шутки соль
И искренний рассказ.
И сам невольно
Станешь откровенным.
Ведь жизнь, она
Прекрасна без прикрас.

22.12.1956

После работы

Незаметно подошла суббота,
И считай – неделя позади.
Хорошо вдвоем после работы
По аллеям парка побродить.
Где снежинки медленно кружатся.
И как в сказке серебрится дуб.
Хорошо на штанах покататься,
Посетить театр или клуб.
Почитать волнующую книгу.
С маленькой дочуркой поиграть.
Вместе с нею кубиками двигать,
Для кота устраивать кровать...
А на утро, отложив заботы –
Для забот и будни хороши.
На рыбалку двинуть, на охоту...
Побродить по снегу от души.

23.12.1956

Депутат

А посмотришь, совсем еще девочка...
Вот только у висков не тает снег.
Знать, горе было, не прошло стороной,
Увидел в жизни много человек...
Да и сейчас забот, печалей много,
Ждет маму дома дочка-стрекоза...
Быть может, потому порой устало
Глядят обычно ясные глаза...
Дочурке что, она не помнит папы.
А мать, как только взглянет на портрет...
По парку мимо кленов косолапых
Она спешит сегодня в горсовет.
Приемный день. Немаленькое дело.
К ней люди не приходят просто так.
Идут, когда на сердце наболело,
Когда уже без этого никак.
Когда не мелочь, а проблемы это.
Идут, когда терпеть уже невмочь...
Кто с жалобой, кто с просьбой...
За советом.
И надо разобраться и помочь.
Не просто: заходите, мол, тогда-то.
И заявление в ящик стола...
Проходят через сердце депутата
Людские неотложные дела.

24.12.1956

**Когда встречаются года
(Новогодние раздумья)**

2.

Другие дни,
Полузабытья,
Тех дней суровая страда.
Стол ярко, празднично накрытый...
И вновь встречаются года.
Другие дни. Иное время.
Страна на новом рубеже.
И я сижу не вместе с теми,
С кем был той ночью в блиндаже.
Ну что же. У каждого свои
Дела, и счастье, и дорога,
И нечего греха таить:
Из тех друзей в живых – немного...
Но пусть ни день – года прошли.
Из сердца не исчезнет память
О тех, что с нами не дошли.
Их место вечно рядом с нами.
Видать, над праздничным столом
Хозяйка славно хлопотала:
Лучисто светятся огни,
Играют гранями бокалы.
Пора за стол. Вы что, забыли?
Уж стрелка замыкает круг!
Мы этот праздник заслужили,
Весь год не покладали рук.
Нам есть гордиться чем по праву...
Двенадцать! Бьют часы в Кремле.
За Родину! За мир и счастье на земле!

Давыдов Анатолий Михайлович

ПУТИ И ПЕРЕКРЕСТКИ
Дневники

Автор вступительной статьи
Владислав Борисович Огарков

Составители: **Н. Н. Шелепетко, Т. В. Дребнева**
Редакционная коллегия: **Н. Н. Шелепетко,**
Т. В. Дребнева, Л. В. Полищук, Н. А. Горбатова
Художественное оформление **Л. В. Полищук**
Компьютерная корректура **Ж. М. Чугаинова**
Ответственный за выпуск **Л. П. Галиченко**

В книге использованы фотографии
из личного архива А. М. Давыдова
и архива Центральной городской библиотеки
им. Н. С. Клестова-Ангарского.

Подписано в печать
Тираж 50 экз.

Отпечатано в Типографии «На Чехова»
664011. г. Иркутск, ул. Чехова, 10
Тел. (3952) 20-90-56 info@baikalprint.ru